

УДК 165.1

DOI:

10.15372/PS20190206

В.И. Силантьев

СОЗНАНИЕ С ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЧАСТЬ II

Рассматривается влияние сознания на мозг и когнитивное бессознательное. Обобщаются взгляды на познание и сознание ряда исследователей, работающих в области психологии, философии и лингвистики. На основании этого обобщения формулируется экологическая точка зрения на сознание. Она предполагает, что система «сознание – бессознательное – мозг» должна быть дополнена четвертой составляющей – окружением индивида.

Ключевые слова: сознание; бессознательное; мозг; экологический взгляд на сознание

V.I. Silant'yev

CONSCIOUSNESS FROM THE ECOLOGICAL POINT OF VIEW PART II

The article considers the influence of consciousness on the brain and the cognitive unconscious. We summarize views of a number of psychologists, philosophers and linguists concerning cognition and consciousness. Basing on this analysis, we develop an ecological conception of consciousness. It implies that the system «consciousness – the unconscious – the brain» should also include individual's environment as the forth element.

Keywords: consciousness; the unconscious; the brain; ecological conception of consciousness

Онтологическая роль сознания

Итак, представление о том, что сознание – это лишь явление, доступное наивному наблюдателю, и не более того, представляется ошибочным. Но если сознание – это нечто большее, нежели просто кажимость, возможно ли, к примеру, чтобы оно влияло на неосознаваемые ментальные процессы или даже на сам мозг? И ка-

ким образом оно вообще может влиять на то, что хронологически ему предшествует и что по всем признакам само выступает в качестве его причины?

Вопрос, сформулированный таким образом, на мой взгляд, содержит подвох, состоящий в том, что здесь предлагается ложная альтернатива: либо мозг (или бессознательное) определяет сознание, либо сознание определяет мозг (или бессознательное). В действительности же этой альтернативы не существует: мозг и ментальное (которое мы для удобства делим на сознание и бессознательное) представляют собой единство органа и его функции. Мы ведь не спрашиваем, что первично – нога или прямохождение? Сознание является лишь одной из граней работы целостной познавательной системы. Поэтому вопрос об онтологическом статусе сознания уместен лишь постольку, поскольку мы понимаем это. Равно как и вопрос об онтологическом статусе мозга уместен лишь с известными оговорками. Рождается, живет и умирает индивид в целом, но никак не его мозг или сознание, взятые по отдельности. В отношениях между мозгом, сознанием и бессознательным, таким образом, вообще не должно быть никакой онтологической иерархии. Но коль скоро мы заинтересовались тем, оказывает ли сознание влияние на мозг и/или бессознательное, то (повторюсь, для чисто технических задач) этот тезис можно развить.

Влияние сознания на бессознательное

Когда мы спрашиваем себя, зачем нужно сознание, если на неосознаваемом уровне субъект может выполнять практически любые задачи, а в ряде случаев вмешательство сознания в процесс вообще может расстроить текущую деятельность, то мы видим лишь итоговый результат – сформированный психический аппарат, который уже нашел ответы на основные вопросы практического совладения с миром. Водитель может вести автомобиль, разговаривая по телефону с менеджером по продажам и обдумывая покупку новой машины, а управление автомобилем осуществлять автоматически. Менеджер же в процессе этого разговора может размышлять, какой бы себе купить смартфон с премии, полученной в случае успеха, и параллельно рассказывать покупателю о преимуществах последней модели автомобиля. При этом они оба могут вполне успешно

выполнять текущую деятельность как бы фоном, лишь изредка подключая к процессу сознание и проверяя, как идут дела.

На самом деле в этом «лишь изредка» уже содержится роль сознания, которую невозможно исключить при выполнении сколько-нибудь сложной задачи, но дело не только в этом. Если мы посмотрим на онтогенетическое развитие психического аппарата в целом и на овладение теми или иными моторными или коммуникативными навыками в частности, то увидим, что *любой* навык на ранних ступенях своего развития требует постоянного участия сознания. Ни ученик, впервые севший за руль учебного автомобиля, ни стажер, пришедший на первый тренинг по этапам проведения продаж, не могут овладеть новой областью знаний и умений, так сказать, на автопилоте, всецело доверившись своему бессознательному. Не будем также забывать, что и водитель, и продавец в свое время, будучи младенцами, приложили огромные усилия, осознанные и волевые, подчас исполненные истинного драматизма, только для того, чтобы овладеть своим телом и научиться говорить.

Конечно же, сознание не возникает на пустом месте. Каждый акт направления младенцем своего внимания на то, как именно нужно садиться или ползать, сам, в свою очередь, обусловлен неосознаваемой работой его психического аппарата. Для любого научения одинаково важны и сознание, и бессознательное, и их работа, по всей видимости, представляет собой некое динамическое единство [9]. Однако, напомним, сейчас мы рассматриваем лишь частный момент обратного влияния сознания на бессознательное.

Далее. Как представляется, подобная картина (хотя и с некоторыми оговорками) наблюдается и в филогенезе. Сегодня вряд ли можно рассматривать кантианский трансцендентальный субъект как место, где должны храниться фундаментальные правила организации нашего опыта. Гораздо правдоподобнее в связи с этим выглядит тезис К. Лоренца о том, что все априорное когда-то таковым не являлось [5]. Хотя Лоренц не касается напрямую взаимоотношений между сознанием и бессознательным, они легко здесь обнаруживаются. Ведь и бессознательное, и априорное являются чем-то по определению противоположным сознанию или опыту.

Помимо влияния феноменального опыта на становление неосознаваемых ментальных процессов в онтогенезе и филогенезе сознание, по всей видимости, играет важную роль в том, что можно назвать установлением однозначности происходящего вокруг. Так,

Е.В. Субботский видит роль сознания в «удержании значений и их связей между собой», а следствием этой работы, по его мнению, является возникновение «амодальной твердости объекта», без которой невозможно формирование стабильной картины происходящего [7]. В.В. Васильев рассматривает сознание как некий упорядочиватель настоящего (и будущего) на основании прошлого [2]. Об этом же в конечном счете говорит и В.М. Аллахвердов, когда отмечает, что сознание для всего ищет понятные ему причины и что при любом удобном случае оно будет стремиться подтвердить сформированные им ранее представления о мире*.

Как бы богато ни был оснащен разум априорными принципами организации опыта, когнитивными и поведенческими автоматизмами, выполняющими колоссальную работу по упрощению нашей деятельности, без участия сознания она превратилась бы в нагромождение разрозненных операций. Ведь окружающая ситуация всегда неоднозначна, как неоднозначна и сама сенсорная информация, которую мы черпаем из окружения с помощью наших органов чувств. Каким бы могущественным ни было когнитивное бессознательное, однозначная трактовка того, что происходит в эту самую минуту, невозможна без участия сознания. «Гипотезы бессознательного», «перцептивные гипотезы», «множественные наброски» не содержат критериев для своей проверки или редакции, являясь лишь инструментами, которые разум использует в своей целостной деятельности по познанию мира.

Влияние сознания на мозг

Вопрос о том, может ли феноменальный опыт влиять на деятельность мозга в классическом каузальном смысле, предполагает ясный ответ: нет, не может. Всякому феномену предшествует ряд процессов на уровне мозга, без которых этот феномен попросту не возник бы.

Тем не менее система «мозг – бессознательное – сознание» в целом работает таким образом, что феноменальный опыт оказыва-

* Однако то, что он называет сознанием в данном случае, является неким неосознаваемым когнитивным механизмом, т.е., в общем-то, бессознательным, и здесь, на мой взгляд, может возникнуть терминологическая путаница.

ет формирующее воздействие на развитие мозга (как в онтогенезе, так и в филогенезе). В известном смысле функционально-анатомическая организация нашего мозга не только задает то, каким образом мы воспринимаем, мыслим и осознаем мир, но и сама определяется сознанием.

Кроме того, попытки понять, зачем нужно сознание, какую пользу в эволюционном плане оно могло принести и т.д., периодически предпринимаемые в литературе, могут лишь запутать. Ведь когда мы таким образом смотрим на сознание, возникает предположение, что на каком-то этапе развития жизни уже существовали индивиды с более или менее сложным мозгом, репрезентирующим мир, но совершенно лишенным сознания. Как если бы сознание, однажды случайно возникнув вследствие каких-либо мутаций, оказалось ценным адаптационным приобретением.

Подобный сценарий, однако, представляется крайне маловероятным. Логичнее было бы предположить, что уже первые организмы, наделенные относительно развитой центральной нервной системой, обладали также примитивным опытом. Конечно же, это ничего не говорит нам о том, почему вообще возникло сознание и как именно оно порождается мозгом. Но и предположить обратное, т.е. то, что у наших очень-очень отдаленных предков уже существовал мозг, репрезентирующий окружение, но при этом у них еще не было сознания, представляется еще более странным. Ведь сами репрезентации для своего формирования нуждаются в существовании феноменального опыта. Если же мы все-таки предполагаем, что разум (для удобства разделенный нами на сознание и бессознательное) и мозг являются ровесниками, то вопрос об адаптационной ценности сознания отпадает сам собой. Ведь в таком случае на Земле не существовало такого момента, когда уже было «безмозглое» сознание, но еще не было мозга или когда уже был «темный» в качественном аспекте «зомби-мозг», но еще не было сознания.

Резюмируем сказанное в этом разделе. Во-первых, сознание обладает онтологией от первого лица, и то, каким образом оно существует, действительно не похоже ни на что другое в мире. Однако природа ментального шире, чем природа сознания. Она включает в себя также неосознаваемые когнитивные процессы. Поэтому говорить о том, что ментальное обладает такой же специфической феноменальной онтологией (как это делает Дж. Серл), означало бы совершать ошибку. Можно говорить, что обладать сознанием, быть

в сознании на что-то похоже. Но не следует забывать, что эта специфическая перспективность сознания обеспечивается закулисной работой неосознаваемых когнитивных процессов, которую субъект по определению осознать не может. И наоборот, если бы у индивида не было сознания на протяжении всей жизни (и не обладай сознанием тысячи его предков, даже самых отдаленных), не существовало бы и закулисной работы бессознательного.

Итак, если заранее оговорено, что для чисто технических задач мы расчлняем единую деятельность разума на сознание и бессознательное, то сознание действительно невозможно исчерпывающе описать в терминологии неосознаваемых ментальных операций или нейронных процессов. Бессознательного попросту не существовало бы без участия сознания, поскольку весь необъятный багаж гипотез, алгоритмов или набросков (как бы мы их ни называли) либо сам изначально был феноменальным опытом, либо формировался при непосредственном участии сознания. Аналогичным образом без участия сознания не смог бы сформироваться любой более или менее сложный мозг. Ведь его анатомо-физиологическая структура помимо регуляции висцеральных функций предназначена для того, чтобы быть субстратом для протекания феноменального опыта[†]. Когда же мы говорим о целостной разумной деятельности, включающей в себя сознательное, бессознательное и мозг как орган, познающий с их помощью мир, то само понятие релятивности сознания к мозгу или мозга к сознанию[‡] попросту теряет смысл и ста-

[†] Здесь можно возразить и сказать, что мозг - это субстрат для реализации поведения, а не сознания. В действительности же поведение является лишь еще одним компонентом общей деятельности индивида. Этот компонент мы здесь не рассматривали, хотя он, безусловно, играет важную роль, и вне поведения вся система в целом также не могла бы существовать. Поведение тончайшим образом вплетено в ткань сознания, что выражается даже в таких элементарных аспектах опыта, как необходимость *двигательных* изменений в органе (либо изменений в движении окружающих тел) для возникновения ощущений. Но верно также и то, что феноменальный опыт необходим для реализации практически любого поведения. Даже врожденные рефлексы, предположительно, формировались под влиянием многократно повторяемого осознаваемого опыта.

[‡] Можно представить обратную, фантастическую, ситуацию, при которой мозг редуцируется к сознанию. Если бы в параллельной вселенной существовал огромный банк данных всего феноменального опыта, выработанного всеми индивидами в течение эволюции, то наверняка там были бы соответствующие элиминирующие идеалисты вроде четы Черчлендов и «иллюзионисты» наподобие Деннетта. Первые могли бы успешно объяснять устройство мозга через феномены опыта и считать высказывания

новится таким же бессмысленным, как вопрос о том, релятивна ли нога к прямохождению или прямохождение релятивно к ноге.

«Открывая бутылку с сознанием»: мир как Ингредиент № 3, или необходимость экологической перспективы при построении теории сознания

Рассматриваемая нами выше триадическая схема «мозг – бессознательное – сознание» позволяет избежать некоторых заведомо ошибочных путей при изучении сознания, например сведения сознания к мозгу (элиминирующий материализм) или бессознательному (компьютерный функционализм, радикальный когнитивизм), игнорирования существования бессознательного (картезианство, интроспекционизм), одухотворения Вселенной (панпсихизм). Однако эта схема по-прежнему содержит серьезный изъян.

Выше было высказано предположение о том, что искусственный интеллект, не обладая феноменальным опытом, способен, тем не менее, осуществлять разумное, осмысленное поведение. Это возможно постольку, поскольку искусственный интеллект создает человек, обладающий сознанием. Мы не можем передать машине наш внутренний опыт, но мы можем передать ей наши знания об устройстве мира в виде программного кода. Но откуда мы сами, в свою очередь, берем эти знания? Изъян схемы «сознание – бессознательное – мозг» состоит в том, что она ничего не говорит о том, откуда целостная разумная деятельность получает свое семантическое содержание. Здесь, таким образом, не хватает последнего ингредиента – окружающего мира.

В психологии первым на это обратил внимание Дж. Гибсон, основоположник экологического подхода. По мысли этого автора, объяснение психических феноменов следует искать не в них самих и не в теле, поскольку это ложная альтернатива [3, с. 22]. Знание об организации мозга или об осуществлении когнитивных механизмов, по мнению Гибсона, является знанием фрагментарным. Для по-

об активности мозга наивными суждениями «народной нейронауки». Вторые стремились бы показать, что на самом деле у нас нет мозгов, но нам кажется, что они есть, и что человек с мозгами вел бы себя точно так же, как и человек без мозгов. Возможно даже, что в этой вселенной была бы написана русскоязычная книга с названием вроде «Безмозглый из Бостона» или «Из Бостона без мозгов».

строения целостной картины нужно обратиться к окружению индивида, в котором формировались его мозг и разум.

Гибсон иллюстрирует свой подход примером со зрением. «Органом зрения, – пишет он, – принято считать глаз, связанный с мозгом. Я же собираюсь показать, что органом зрения является система, в состав которой входят глаз, голова и тело, способное передвигаться по земле. В этой системе мозг – всего лишь один из ее центральных органов» [3, с. 24]. Зрительное восприятие с этой позиции представляет собой не конструирование образа, как это принято считать в когнитивизме, но скорее извлечение неких инвариантов из потока стимуляции [3, с. 26]. При этом восприятие осуществляется исходя из тела как специфической точки отсчета, а традиционное абстрактное геометрическое пространство заменяется пространством, заполненным реальными объектами и их перемещениями [3, с. 28].

Сходных взглядов на соотношение познания, феноменального опыта и тела придерживается М. Мерло-Понти. Согласно этому философу, восприятие представляет собой некое доязыковое схватывание смыслов, присущих самой реальности [6, с. 64]. Неверно полагать, что в основе восприятия лежит суждение или что восприятие является знанием о мире. Скорее наоборот, восприятие выступает основанием, на котором выстраивается всякое знание [6, с. 9]. Автор полагает, что одним из базовых свойств восприятия является синестезичность, или способность сознания схватывать характеристики одной модальности на основании другой. Это объясняется тем, что окружающий мир взаимодействует с нами целостно [6, с. 116]. Любопытное истолкование в рамках феноменологии Мерло-Понти получает классическое понятие рефлекса. Рефлекс не является замкнутым, «слепым» процессом, протекающим в организме. С точки зрения более широкой перспективы рефлекс «следует "смыслу" ситуации, они выражают нашу направленность на среду поведения, а равно и воздействие "географической среды" на нас» [6, с. 116].

Согласно лингвисту Дж. Лакоффу, философии сознания необходимо перейти от концепции абстрактного разума к концепции разума воплощенного, или отелесненного (embodied) [10, p.16], поскольку реальная работа познания далека от ее прототипа, построенного в классических рационалистических учениях. Так, концепты, которыми оперирует наше мышление, изначально «черпаются» из

опыта, в то время как само мышление имеет экологическую структуру, т.е., оперирует не абстрактными символами, а концептами, которые всегда что-то *значат* для индивида [4, с. 13].

Е.Ю. Артемьева в рамках развиваемой ею психологии субъективной семантики высказывает предположение о существовании своеобразных «словарей опыта», позволяющих разуму устанавливать глубинные семантические аналогии между на первый взгляд совершенно разными объектами и явлениями, причем выполнять это на доязыковом уровне [1, с. 15]. Она также формулирует «гипотезу первовидения», в соответствии с которой объекты изначально воспринимаются целостно и лишь затем мы начинаем аналитически вычленять их особенности. Причем на первой стадии происходит первичное эмоциональное оценивание объекта [1, с. 32]. То есть сначала мы определяем, нравится ли нам или нет то, что мы встретили на пути, и лишь после этого начинаем понимать, что, собственно говоря, мы встретили.

Согласно другому психологу, П.В. Яньшину, ощущения обладают «натуральными значениями» или «палеозначениями». Эти значения отражают устойчивые отношения между индивидом и окружающей средой, существовавшие в течение миллионов лет развития жизни. Они не могут конструироваться языком или культурой, но могут лишь преломляться ими, поскольку существовали на Земле задолго до появления человека. «Древность натуральных значений соответствует времени возникновения того или иного вида чувствительности. Для цветового зрения – это, как минимум, 300–400 миллионов лет... В этой связи к таким значениям вполне применим термин “палео-”: это *палеозначения*, возникшие в период допредметной репрезентации мира» [8, с. 36].

Наконец, Ф. Варела, Э. Томпсон и Э. Рош в книге «Воплощенное сознание» [11] формулируют основы энактивизма как нового подхода к рассмотрению сознания, во многом созвучного с идеями упомянутых выше исследователей. С точки зрения авторов этой книги, в философии сознания назрела необходимость того, чтобы аналитическая традиция и феноменология объединили свои силы, поскольку, и с этим трудно не согласиться, ни экстернализму, ни интернализму по отдельности до сих пор не удалось построить теорию сознания. Авторы полагают, что изучение сознания подразумевает выработку общего взгляда на три аспекта его природы: когнитивный, феноменальный и телесный. При этом подчеркивается, что

между этими аспектами в реальности нет никакого противоречия. Авторы также отмечают, что западной философской мысли пора обратить внимание на восточные философские системы (прежде всего на буддизм и индуизм) и что обширный медитативный опыт, накопленный и систематизированный здесь в течение веков, может помочь пролить свет на то, что же такое сознание.

Что общего во взглядах исследователей, упомянутых выше? Их объединяет следующее:

а) разум не противопоставляется мозгу и телу в целом;

б) разум рассматривается как имманентный миру. Поэтому предполагается, что базовые принципы организации познания выстраиваются на основе взаимодействия индивида с его окружением. При этом на некоем базисном, доязыковом уровне познание оперирует формами чувственности, присущими одновременно и разуму, и его окружению. В свою очередь, язык и культура, возникшие по меркам развития жизни относительно недавно, не столько конструируют эти архаичные механизмы познания, сколько преломляют их работу;

в) феноменальному опыту отводится важная роль. Не предпринимается попыток описать его в контексте позиции от третьего лица. Скорее, наоборот, предлагается пересмотреть традиционный взгляд на опыт, с тем чтобы изучать его в естественных условиях. Это похоже на то, как этологи изучают поведение животных в привычной для них (животных, а не этологов!) среде.

Следует также отметить, что экологическая перспектива (в рамках которой феноменальный опыт рассматривается как один из ключевых факторов развития жизни) не противоречит исследованиям, проводимым в современной когнитивной науке, как не противоречит, к примеру, полевое исследование поведения животных классическим лабораторным экспериментам Павлова. Скорее речь идет о дополнении уже существующих исследований и выведении их на более высокий уровень теоретического описания, в котором мозг, сознание, бессознательное, поведение, существуют слитно, а не порознь.

В качестве иллюстрации рассмотрим болевое ощущение. Можно рассматривать боль с точки зрения ее материального субстрата и говорить о том, что болевые ощущения суть следствие возбуждения таких-то и таких-то нервных окончаний и последующей

обработки этого возбуждения в таких-то и таких-то отделах мозга. Можно посмотреть на боль как на феномен внутреннего опыта и говорить о том, что это специфическое ощущение переживается от первого лица. Можно обратить внимание на то, что сами когнитивные механизмы, запускающие это ощущение, в сознании не содержатся и для того, чтобы мы почувствовали боль, наш разум сначала должен вычислить ее предполагаемый источник, а также на то, уместно ли вообще нам в данный момент испытывать боль, как это бывает в экстремальных ситуациях. Наконец, можно посмотреть на боль как на форму адаптационного поведения избегания, выработанного видом в процессе эволюции исходя из особенностей его среды[§], характеризующуюся специфическим опытом, реализуемую на уровне мозга так-то и так-то и на уровне когнитивного бессознательного так-то и так-то. Заметим, что в последнем случае при целостном рассмотрении болевого ощущения на нескольких уровнях его организации отдельные аспекты этой организации (феноменальный, когнитивный, церебральный и экологический) не противоречат друг другу.

Противоречия в изучении феноменального опыта возникают в рамках интроспекционизма, классической феноменологии**

[§] При погружении в воду на несколько метров у человека могут заболеть уши из-за деформации барабанной перепонки, вызванной разностью давления во внешнем и во внутреннем ухе. В таких случаях можно объяснять возникновение боли в терминах того, что происходит в нашем слуховом аппарате и в мозге. А можно объяснять происходящее тем, что наш организм не предназначен для такого рода погружений. Эти версии не противоречат друг другу. Если бы мешкорот, обитающий на глубине до 5 км, начал всплывать все выше и выше, он, по всей видимости, также начал бы испытывать неприятные ощущения, поскольку его тело приспособлено к обитанию в среде со сверхвысоким (по нашим меркам) давлением.

** В литературе периодически отмечается необходимость постановки феноменологии на рельсы научного знания. В частности, философ В.В. Васильев предлагает обогатить феноменологические описания методами доказательной аналитической философии [2, с. 72]. По мысли этого автора, такая усовершенствованная феноменология могла бы прояснить «глубинные онтологические установки» нашего сознания, т.е., по сути, выйти на теоретический уровень его описания. Однако непонятно, почему сознанию должны быть непосредственно даны глубинные аспекты его работы. Выше мы уже рассматривали противоречивость этого взгляда на примере гуссерлианского трансцендентального субъекта. Более оправданным в теоретическом отношении представляется сближение феноменологии с эмпирическими науками. К примеру, Ф. Варела в рамках разрабатываемой им нейрофеноменологии исследовал феноменальный опыт с помощью методов нейронауки. В настоящее время этот подход развивает Э. Томпсон. Другим способом включения сознания в научный дискурс является предпринятая в данной публикации попытка взглянуть на сознание с экологической точки зрения, т.е. рассмотрение сознания в широком биологическом контексте.

либо панпсихизма. Ведь эти подходы игнорируют очевидный факт, что за пределами сознания существует нечто (мозг), каузально детерминирующее опыт (мозг), регулирующее порядок его возникновения (бессознательное) или задающее базовые формы его организации (априорные формы познания, существование которых, как мы помним, не противоречит биологическому подходу). Кроме того, в рамках классических менталистических направлений, рассматривающих феноменальный опыт как нечто существующее как бы само по себе, остается непонятным, какое место он занимает в мире. Экологическая же позиция, повторюсь, не противопоставляет сознание остальным аспектам разумной деятельности и не изолирует опыт от остального мира^{††}.

Вместо заключения: ограничения и возможности экологического подхода

Экологический взгляд на сознание имеет очевидное преимущество. Оно состоит в том, что, с одной стороны здесь не предпринимаются попытки редуцировать феноменальный опыт к чему-то еще. Как было сказано выше, научное исследование сознания не обязательно предполагает его исчерпывающее описание от третьего лица. С другой стороны, сознание рассматривается в широком естественно-научном контексте, что отличает данный подход, в частности, от трансцендентальной феноменологии Гуссерля. Однако и здесь есть свои трудности.

Основная трудность состоит в невозможности дать ответы на фундаментальные вопросы о природе феноменального опыта. Мы знаем, к примеру, что сознание имеет нередуцируемую природу от первого лица, играет важную роль в функционировании познания, а также является одним из ключевых факторов в становлении

^{††} Может показаться, что панпсихизм также не изолирует опыт от мира, но это не так. Если мы утверждаем, что весь мир в какой-то степени наделяется сознанием, то мы попросту проходим мимо реальных условий, в которых формировался опыт. Предположение же Д. Чалмерса о том, что сознание является фундаментальным свойством Вселенной, представляется крайне сомнительным. Каким образом сознание может быть фундаментальным свойством Вселенной, если она лишена его на 100% (Землей, а также другими «живыми» планетами, которые, вероятно, существуют, можно пренебречь в силу их бесконечно малого размера в масштабах Вселенной)?

развитых форм жизни. Но в рамках экологического подхода нам не найти ответов на следующие вопросы: «*как именно мозг порождает сознание?*» «*что в физическом мире является субстратом феноменального опыта на фундаментальном уровне?*» «*в какой момент сознание возникло на нашей планете?*» или, что звучит даже еще более интригующе, «*в какой момент (как? откуда?) сознание возникает у эмбриона, находящегося в утробе матери?*». Поскольку философия традиционно имеет дело с предельными вопросами бытия и познания, экологическая точка зрения в этом смысле не так уж и ценна. Но справедливости ради следует отметить, что убедительных ответов на эти фундаментальные вопросы мы не находим и в других существующих направлениях философии сознания.

Чего позволяет избежать экологическая перспектива, так это заведомо тупиковых путей в исследовании сознания, поскольку здесь мы действуем не вслепую. В самом деле, в чем состоит, к примеру, основная трудность компьютерного функционализма? Не в том ли, что там делается искусственная попытка воспроизвести феноменальный опыт в заведомо чужеродных условиях просто потому, что работа мозга чем-то напоминает эти условия? Действия функционалистов здесь напоминают действия приверженцев культа карго, которые пытались построить диспетчерские вышки, самолеты и взлетно-посадочную полосу из палок и соломы, для того чтобы вызвать прилет самолета с провизией, не понимая и даже не желая понимать, как вообще устроены авиация и промышленность, производящая эти блага. Точно так же вслепую, но уже совершенно с противоположной позиции, действует феноменология, пытающаяся описывать сознание в терминах феноменов, игнорируя его включенность в более широкий онтологический контекст.

В заключение хотелось бы подчеркнуть следующее. Мы не отходим от идеалов научного познания, когда утверждаем, что сознание существует, и пытаемся определить его место среди других явлений мира. Скорее, мы отходим от научности, когда рассматриваем феноменальный опыт изолированно, а то и вовсе стараемся убедить себя и всех остальных в том, что сознание не существует. Не в том ли состоит научный подход, чтобы стремиться узнать, как устроен мир? Игнорирование же проблемных явлений или даже открытое отрицание их существования (до поры до времени) содержит в себе нечто религиозное, далекое от науки. Таким образом, экологический подход может быть использован в качестве одного из

методологических оснований для научно-философского исследования сознания.

Литература

1. *Артемьева Е.Ю.* Психология субъективной семантики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 128 с.
2. *Васильев В.В.* Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. – М.: ЛИБРОКОМ, 2014. – 240 с.
3. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию: Пер. с англ./Общ. ред. и вступ. ст. А.Д. Логвиненко. – М.: Прогресс, 1988. – 464 с.
4. *Лакофф Д.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Кн. 1: Разум вне машины / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Гнозис, 2011. – 512 с.
5. *Лоренц К.* Кантовская концепция а priori в свете современной биологии // Эволюция. Язык. Познание. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 15–41.
6. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента; Наука. – 1999.
7. *Субботский Е.В.* Строящееся сознание. – М.: Смысл, 2007. – 423 с.
8. *Яньшин П.В.* Психосемантика цвета. – СПб.: Речь. – 2006. – 368 с.
9. *Cleeremans A.* Conscious and unconscious cognition: A graded, dynamic perspective // *International Journal of Psychology*. – 2006. – P. 401 – 418.
10. *Lakoff G.* Philosophy in the flesh // *The Mind: Leading Scientists Explore the Brain, Memory, Personality, and Happiness* / Ed. by J. Brockman. – N.Y., 2011. – 291 p.
11. *Varela F.J., Thompson E., Rosch E.* *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. – Massachusetts Institute of Technology, 1991.

References

1. *Artemyeva, E.Yu.* (1980). *Psikhologiya subyektivnoy semantiki* [Psychology of Subjective Semantics]. Moscow, Moscow University Press, 128.
2. *Vasilyev, V.V.* (2014). *Soznanie i veshchi: Ocherk fenomenalisticheskoy ontologii* [Consciousness and Things: An Essay on Phenomenalistic Ontology]. Moscow, LIBROKOM Publ., 240.
3. *Gibson, J.* (1988). *Ekologicheskiy podkhod k zritelnomu vospriyatiyu* [The Ecological Approach to Visual Perception]. Transl. from English; general editorship and introductory article by A.D. Longvinenko. Moscow, Progress Publ., 464. (In Russ.).
4. *Lakoff, G.* (2011). *Zhenshchiny, ogon i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. Kn. 1: Razum vne mashiny* [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Book 1. The Mind beyond the Machine]. Transl. from English by I.B. Shatunovsky. Moscow, Gnozis Publ., 512. (In Russ.).
5. *Lorenz, K.* (2000). *Kantovskaya kontseptsiya apriornosti v svete sovremennoy biologii* [Kant's doctrine of the a priori in the light of contemporary biology]. In: *Evolutsiya. Yazik. Poznanie* [Evolution. Language. Knowledge]. Moscow, Yazyki Russkoy Kultury Publ., 15–41. (In Russ.).

6. *Merleau-Ponty, M.* (1999). Fenomenologiya vospriyatiya [Phenomenology of Perception]. St. Petersburg, Yuventa Publ., Nauka Publ. (In Russ.).
7. *Subbotskiy, E.V.* (2007). Stroyashcheesya soznanie [Emerging Consciousness]. Moscow, Smysl Publ., 423.
8. *Yanshin, P.V.* (2006). Psikhosemantica tsveta [Psychosemantics of the Color]. St. Petersburg.
9. *Cleeremans, A.* (2006). Conscious and unconscious cognition: A graded, dynamic perspective. *International Journal of Psychology*, 401–418.
10. *Lakoff, G.* (2011). Philosophy in the flesh. In: J. Brockman (Ed.). *The Mind: Leading Scientists Explore the Brain, Memory, Personality, and Happiness*. New York, 291.
11. *Varela, F.J., E. Thompson & E. Rosch.* (1991). *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. The MIT Press.

Информация об авторе

Силантьев Валерий.Иванович– Институт философии и права СО РАН (630090, г. Новосибирск, ул. Николаева 8), Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск, ул. Пирогова, vsilantev@gmail.com)

Information about the autor

Silantev Valeriy Ivanovitch. – Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: vsilantev@gmail.com)

Дата поступления 28.01.2019